

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

СОЛНЕЧНОЕ
РОЖДЕСТВО

Зинаида Николаевна Гиппиус

Солнечное Рождество

Аннотация

«Пожилой художник Федор Иванович Максимов – а проще «дядя Федя» – ехал на автомобиле по сверкающему белизной шоссе и морщился.

Сверкало не только шоссе, сверкало – нестерпимо, грубо – и море налево, и кругло-извилистый берег вдали. Легкий, свежий, с ледком зимним, воздух летел в лицо. Но не утешал этот зимний холодок среди горячего сверканья. Все-таки не зима, а лето, которое притворилось зимой...»

Содержание

I	4
II	8

Зинаида Гиппиус

Солнечное Рождество

I

Пожилой художник Федор Иванович Максимов – а проще «дядя Федя» – ехал на автомобиле по сверкающему белизной шоссе и морщился.

Сверкало не только шоссе, сверкало – нестерпимо, грубо – и море налево, и кругло-извилистый берег вдали. Легкий, свежий, с ледком зимним, воздух летел в лицо. Но не утешал этот зимний холодок среди горячего сверканья. Все-таки не зима, а лето, которое притворилось зимой.

Автомобиль дяди Феди полон цветами; и на цветы сегодня глядит старый художник с капризной грустью. К чему цветы? Сегодня бы елку, остро пахнущую снегом, воском и хвоей, сегодня бы не голубые разводы морской глади под скалами, а ледяной оконный узор.

Сегодня там, дома, Рождество. Но елки нет, и дядя Федя везет цветы.

Три любви у дяди Феди в жизни... Картины, работу свою – не считает: работа – сама жизнь, кусок его жизни. Любовь – не то.

Три любви: Костю любит; потом снег, зиму, природу се-

верную; и любит, наконец, – по-дилетантски, но страстно, – логику, философию, метафизику, всякое объективное размышление, хороший разговор.

Беспреданно одна любовь сталкивается с другой. Тогда приходится выбирать, жертвовать. Тогда видно, что они не равны, что первая любовь – Костя – действительно первая и главная, самая большая.

Вот и теперь дядя Федя отдал Косте родное, северное Рождество, ради свиданья с ним приехал в южный приморский город, в свободную и чужую страну; сейчас к нему, Косте, и направляется он по белому шоссе. От гостиницы дяди Феди до маленького местечка, где теперь живет в белой, скромной вилле Костя с женой и товарищами, всего каких-нибудь минут сорок езды.

Костя не сын, только племянник, но ближе сына. С пяти лет он рос в доме. Для Машеньки, покойной жены, разве был он не ближе сына?

А сколько перенес из-за него Федор Иванович! Как боялся, как мучился! За кого страдаешь, тот уж этим одним вращает в сердце. Машенька умерла раньше, всего не испытала. У Кости один только и есть теперь дядя Федя.

Костя – революционер. Еще до войны помнит дядя Федя бурные студенческие собрания у них в просторной квартире. Дядя Федя на них не присутствовал, не вмешивался. Знал, что ему самому, по его природе да и по возрасту, это дела чуждые; хорошие, нет ли – что рассуждать? Костя в них.

Выслали Костю. Долгая была ссылка, дядя Федя два раза там Костю навещал. Говорили много, любовно, по душе, – но отвлеченно. Слишком они оба, при любви, уважали друг друга.

А потом что пошло – Боже ты мой. Только урывками, редко и всегда неожиданно, видел Федор Иванович своего Костю. И прощаясь после такого свиданья – прощались каждый раз навек. Слов не было об этом, но зналось.

Теперь Костя живет за границей. Всякий год ездит к нему дядя Федя. Что ж, и теперь, прощаясь, они так же не знают, суждено ли свидеться.

А когда едет Федор Иванович домой, в Россию, – думает в Вержболове с горькой усмешкой: «Еще проеду ли? Ведь с племянником виделся. Они разве станут разбирать? Засадят для порядку, тогда уж не по Костиной судьбе, – по моей не увидимся. Не будь дядей кому не следует».

Но потом добродушно сомневался: «Нет, пустяки. На что им эта старая ветошь? Чего делать-то со мной? Костя бы только... а я уж поплетусь опять... Свидимся, даст Бог».

Последние годы Федор Иванович много читал, размышлял, издали наблюдал и мнения свои имел; выдаясь с Костей, разговаривали, но, как прежде, всегда теоретически, отвлеченно. Интересные выходили беседы.

Приехав нынче на Рождество (хотел весной, да Костя дал знать, что лучше теперь), дядя Федя, как и всегда, поселился не у Кости, а вблизи. Уже был раз у них, да коротко, не успел

поговорить; а у дяди Феди на этот раз есть одно большое теоретическое недоумение, хочет спросить Костю... Что ж, по логике так выходит, ничего не поделаешь.

Автомобиль нырнул по шоссе вниз, с ревом обогнул нависшую скалу, опять вниз, вот он уже у самого моря, у залива, мягкого, как голубой платок.

– Здесь, здесь!

Белый домик еще белее солнца. В саду, за оградой, кто-то ходит. Отворилась калитка. И звонкий девичий голос – русский голос – крикнул:

– Дядя Федя приехал.

II

Через полчаса в большой комнате с длинными, как двери, окнами сидели за чаем.

Жарко топится камин: тепло, да не лето. И стол даже подвинули к камину. На столе – что угодно: дядя Федя не одни цветы привез, а всякой «заграничной дряни», как он выражался. Самовара нет, чай терпкий, темный, в чайниках, – что делать. За то и конфекты, и фрукты, и вино всякое.

– Нынче Рождество. Забыли, уж конечно.

– Нисколько, дядя Федя, помним. Чем у нас не пир? – говорил Костя. Он высокий, худой, черноволосый. Глаза у него светлые, но так глубоко запавшие, что кажутся темными.

Человек шесть-семь всех. Некоторых дядя Федя знает по прежним приездам, других нет, а может быть – не узнает. Имен не знает он ничьих, никогда и не спрашивает. Жену Кости, хорошенькую блондинку, с пышными рыжеватыми волосами, зовут Кира. Дядя Федя видал ее еще в Костиной ссылке и любит. Кира, – но давно откликается она на Лизу, Лизавету Ивановну, так что и ее дядя Федя не всегда решается назвать Кирой.

Костя для него Костя. Пусть другие, как привыкли. Да здесь что же, здесь все свои.

Тепло здороваются с дядей Федей какой-то молодой человек в высоких, корректных воротничках. Умное лицо его

очень знакомо Федору Ивановичу. Но он не уверен, тот ли это, кого он видел, – Пал Палыч, кажется, – или его брат? Все равно. С Костей – значит, свой.

Скромный старичок, худой, с острой седоватой бородкой, зябко жметя к огню. Кашляет.

«Ведь вот совсем, как я, – подумал дядя Федя. – Даже „дяденькой“ его зовут. А с ними. Вот что значит натура-то другая, биография другая. Что кому дано...»

Поодаль, в кресле, сидела больная девушка. Она завладела всеми цветами и тихо перебирала их на коленях. Руки у нее совсем прозрачные, пепельные косы лежат вокруг головы; улыбается, а видно, очень больна. Дядя Федя помнил ее здоровую. И тогда еще окрестил про себя «христианской мученицей». Очень уж похожа. Она чья-то невеста, теперь невеста-вдова.

– Ну, дядя Федя, расскажите. Ведь вы из России. Расскажите, – попросил кто-то.

– Там снег теперь... Мороз, санки... – задумчиво сказала черноволосая девушка с выразительным, своевольным и ребяческим лицом.

– Снег... Про снег разве вам рассказать. Снег уж очень люблю. А вообще – что я там знаю? Живу в щели, с красками да с книгами... Впрочем, вот, постойте, я раз в Думе был. Мало в делах понимаю, психологически наблюдал. И вопрос тогда был такой... довольно понятный.

Рассказал про Думу. Рассказывал забавно, однако никто

не смеялся.

– Вот, кстати, хотел я спросить, – обернулся он вдруг к Косте. – И тебя, Костя, да и вообще всех вас. Сложились у меня такие мысли... Не захотите отвечать – не отвечайте, хотя ведь тут дело принципа. Рассуждать будем объективно. Два враждующих лагеря. Вы, скажем, – и «они». Эти «они» пользуются одним средством, которое весьма действительно и весьма противнику, вам, вредит. Пользуются – сознательно и умно – «внутренними сотрудниками». Я так говорю, потому что рассматриваю дело беспристрастно, не сужу никого и обидные слова тут не у места. Значит – «внутренние сотрудники». Отлично. Идем далее: насколько я мог проследить по книгам, по случайным кратким сведениям о вас, вы это испытанное средство, это дальнобойное орудие, для себя, со своей стороны, как будто отвергаете... Или может быть, я ошибаюсь?

«Дяденька» старый шевельнулся на стуле. Черноволосая девушка сдвинула брови. А Костя спокойно сказал:

– Нет, дядя Федя, ты не ошибаешься. Отвергаем.

– Почему же, по какой причине? Ты мне скажи, где логика?

– Дядя Федя... – покраснев, начала было Кира, но дядя Федя ее перебил.

– Нет, нет, я хочу простых, ясных доводов, сознательности хочу, если это сознательно. И если правда, что вы умными средствами противника не желаете пользоваться...

Костя встал.

– Полная правда. Мы не желаем, не пользуемся, всякую личную попытку отрезаем, осуждаем. Ты хочешь сознательных доводов? Изволь. Прежде всего, узнай, что это средство непрактично. Бьет орудие далеко, а чаще разрывается на месте. Такой «сотрудник», наш, для того, чтобы проникнуть глубоко, с пользой для нас, во враждебный лагерь, должен... как бы выразиться понятнее?... «серьезно заявить себя», то есть серьезно повредить нам.

– Понимаю, – кивнул дядя Федя головой, – должен выдать... Так что ж? Разве не могли бы... разве не нашлись бы такие, которые согласились бы... ну, жертвами, что ли, стать для этого?.. По условию...

– Пустяки, дядя. Не бесполезные ли жертвы? И на каких весах свесишь тут? Где они, верные весы? Верно одно: страшное это и грозное оружие для того, кто берет его в руки. А затем дальше...

– Дядя Федя, дядя Федя! Он не то, и вы не так спрашиваете! Я скажу, постойте... – взволнованно закричала Кира, поднимаясь с места.

– Дай мне кончить, Лиза, – перебил ее Костя. – Мы ведь рассуждаем спокойно. Дядю интересует теоретическая сторона дела. Так вот я еще хотел добавить... Конечно, это уж касается отчасти психологии человеческой, но результаты реальные. Я хотел сказать насчет оплаты такого сотрудничества...

– Оплаты? Да неужели «идея», убеждения – не сильнейший двигатель? Успех, надежда на него, да ведь это первая оплата! Ты ведь не про деньги же говоришь!

– Представь, про деньги, – произнес Костя.

Молодой Павел Павлович (или брат Павла Павловича) улыбнулся дяде Феде и сказал тихо:

– Есть дела, которые могут делаться только за деньги, дядя Федя. Только за одни деньги. Значит, такими только людьми, для которых деньги – первая, главная и единственная оплата, главный двигатель, самая дорогая награда. Эти и могут быть хорошими «сотрудниками». Понимаете? Среди нас таких людей нет. А есть – так не наши, и уйдут, все равно, от нас. Откуда ж взять «наших» сотрудников?

Кира больше не могла, заговорила, волнуясь, вся красная:

– Ну вот, ну вот! За обман – только деньги можно взять, а кто деньги берет, тот разве чей-нибудь? Да и опять не про то, не это главное! Дядя Федя, как вы об этом спрашиваете! Два лагеря, война... все такое. Да просто себе нельзя, и что бы вам Костя ни говорил, у него тоже прежде всего – нельзя просто. Им, тем, по-ихнему – можно; а нам по-нашему нельзя. Вот и все. Потому что мы разные, – понимаете? У нас... мораль разная, – прибавила она, запнувшись, не найдя слова. – Ах, дядя Федя...

Старичок у камина кивал с удовольствием головой. Кашлянул, улыбнулся и проговорил незамысловато.

– А мораль разная – значит, и пути разные. Чего ж тут?

Костя подхватил, смеясь:

– Ну, и бросим этот разговор. Дядю Федю хлебом не корми, только бы поболтать, доводы, выводы, объективности, посылки, предпосылки... И всегда при своем мнении остается. Давай лучше я тебе, дядя, бокал долью. Идет?

Он стоял с бутылкой, веселый, и даже глаза у него стали простые и веселые.

– Идет! Наливай! – тоже весело крикнул дядя Федя. – Всем доливай, чокнемся... Выпьем хоть... за разную мораль или лучше просто... Ведь сегодня Рождество, опять забыли? Снегу нет, а все-таки Рождество.

– Хорошо и здесь, – сказала черноволосая девушка. – Да, снег лучше, а все-таки поглядите, как хорошо.

Обернулись к длинному-длинному высокому окну. Там уже не было прежнего грубого сверканья. Солнце заходило, и воздух будто подтаял. Грустной и нежной белизной подернулись воды залива, и такое же грустное, матовое, глядело на них небо. Горы вдали, четкие и прозрачные, горели, как драгоценные камни. Точно протянул кто-то между небом и морем хризопразовое ожерелье.

Конечно, не убедили Федора Ивановича доводы Кости, да и какой это разговор был? Обо всяком вопросе можно по-настоящему разговаривать. А они... особенно Кира и дяденька... Но, к удивлению, Федор Иванович чувствовал себя так легко и молодо, точно разрешил ему кто-то... не этот теоретический и частный вопрос, который его, в сущности, и не

касается, но другой, незаданный, несознанный, недодуманной болью давивший на сердце.

Вот Костя стоит с ним рядом; какое хорошее сейчас у него лицо. И Лиза, или Кира, и дяденька, со своими неумелыми словами, с розовой, под закатным светом, бородой, и таинственный Павел Павлович, – да все они сейчас такие простые, обыкновенно хорошие. Больная, бледная девушка с белокурыми косами так же держит цветы на коленях, сидит в кресле и смотрит на дядю Федю, ласково и знающе улыбаясь. Она, может быть, еще больше всех знает.

– Костя, милый, – тихо шепчет дядя Федя. – И правда, я болтун... Привяжусь к чему-нибудь, все равно – к чему, и пойду. А сам и не понимаю. Ну, как я рад. От снега уехал, да не жалею сейчас. Вон он ризы-то какие и здесь Божьи великолепные. Где снежное Рождество, а где солнечное. Люблю и солнечное.

Долго еще горел небесный костер. Потом ушло солнце. И горы погасли.